

Ольга Тригорьева

«ПАМЯТЬ ПРЕБЫВАЕТ ВОВЕК...»

От автора. В 2023 году павлодарский музей замечательной русской писательницы Анастасии Цветаевой отмечает своё десятилетие. Цель музея – не только изучение и пропаганда творчества талантливой семьи Цветаевых, но и возрождение интереса наших соотечественников к литературе, к людям, прославившим Павлодарское Прииртышье; привлечение молодёжи к содержательной, наполненной высоким смыслом духовной жизни. Мы очень благодарны «Простору» за поддержку нашего общественного музея, публикацию материалов о его деятельности, об уникальных материалах и экспонатах («Простор», 2018, № 1). Предлагаю вниманию читателей рассказы о других, не менее интересных экспонатах.

«ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ...»

Сейчас в музее Анастасии Цветаевой более четырёх тысяч единиц хранения. А в начале 2014 года, когда музеем было чуть больше года, мы отмечали поступление тысячного экспоната. Под номером «1000» в инвентарной книге был записан конверт (вернее, половинка конверта), в котором в сентябре 1959 года А. И. Цветаева, приехав из Павлодара в Москву, получила справку о своей реабилитации. На конверте надписи рукой А. И. Цветаевой красными и синими чернилами.

После 17 лет лагерей, пересыльных тюрем, пеших этапов, сибирской ссылки; после голода, холода, унижений, непосильной работы Анастасия Ивановна прочла:

«Справка № 5пс 374/59. Дело по обвинению гр. Цветаевой Анастасии Ивановны, работавшей до ареста преподавателем английского языка, рассмотрено Президиумом Московского городского суда 14 сентября 1959 г. Постановления тройки при УНКВД СССР.. и особого совещания при МГБ СССР.. отменены, а дело... производством прекращено

ЗА ОТСУТСТВИЕМ В ЕЁ ДЕЙСТВИЯХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Председатель Московского городского суда Л. Громов».

Вот как вспоминала об этом старшая внучка писательницы – Маргарита Мещерская. Мы обратились к ней с вопросом, помнит ли она, как бабушка

восприняла получение этого конверта. Рите было в то время 11 лет. Вот что она ответила:

«Помню, что бабушка говорила: "Ну вот, наконец они признали, что я никаких преступлений не совершала. Простили за неделанное. Каэровкой (*кр – сокращённое от «контрреволюция» – О. Г.*) я никогда не была. Но Господь попустил страдания, как искупление собственных, так и грехов родителей..."»

Маргарита Мещерская, США, Калифорния».

А вот что вспоминала о том времени сама писательница. Отрывок из «Воспоминаний А. И. Цветаевой о Сергее Эфроне» (магнитная запись от 8 февраля 1992 г., из архива московского Дома-музея М. Цветаевой, фонд Ю. П. Клюкина; в павлодарском музее хранится машинопись):

«...Такие были времена... Я не знаю до сих пор, за что меня посадили. Когда я им задавала этот вопрос: "В чём вы меня обвиняете?", они отвечали:

"Мы не обвиняем, мы подозреваем". И без обвинения дали десять лет. Я говорила следователю: "В чём же вы меня подозреваете?"

"Ну вот, например, вы ездили за границу, и вы вернулись..."

Я говорю: "Это плохо?"

"Нет не плохо, но, может быть, вам дали там какое-нибудь задание".

Я говорю: "Я была у Горького".

"Вы были не только у Горького..."

"Да, я была и у моей сестры Марины – кто же мне там мог дать задание?"

"Ну, мало ли вы с кем виделись у неё..."

Я говорю: "А вы-то зачем? С тех пор прошло десять лет – я ездила в двадцать седьмом году, а мы сейчас говорим в тридцать седьмом – за десять лет вы-то по вашей деятельности должны были твёрдо узнать всё, что я делала за это время незаконного, и должны мне предъявить обвинение, а вы мне ничего не предъявляете". Но он молча курил, и всё. А я говорила: "Значит, так выходит: человек уехал и не вернулся – он враг. Человек уехал и вернулся – он тоже враг. А что можно сделать третьего, кроме как вернуться или не вернуться?". Но он опять курил и молчал.

Никакого суда не было, меня даже не вызывали. Они просто написали: статья 58-10 и 11. Десять – это агитация, одиннадцать – организация. А какая организация... За десять лет лагеря я вообще не видела ни одного контрреволюционера, все люди были частного порядка и попали в лагерь так же, как я...»

Надо сказать, обвинялась А. Цветаева ещё и в том, что была членом «мистической религиозной группы».

Этот драгоценный экспонат – конверт от справки о реабилитации – передана павлодарскому музею А. И. Цветаевой её подруга Доброслава Анатольевна Донская (Москва), которая дружила с Анастасией Ивановной с 1986 года до самой её смерти в 1993 году. В Павлодар также поступили письма А. Цветаевой, адресованные Д. А. Донской. На встрече в музее архивисты Вера Дмитриевна Болтина и Людмила Васильевна Шевелёва рассказали тогда о своей работе над расшифровкой писем и открыток. Это был поистине титанический труд, учитывая очень неразборчивый почерк Анастасии Ивановны. «Память пребывает вовек» – писала А. Цветаева. Архивисты помогают нам сохранять эту память.

«ЧЕЛОВЕК, ПОХОЖИЙ НА ШЕКСПИРА»

Среди многочисленных фотографий, хранящихся в нашем музее, есть одна очень неприметная, чёрно-белая, выцветшая, размером 9 на 12 сантиметров. На ней запечатлено какое-то деревянное строение. Дорог этот экспонат тем, что, во-первых, это снимок самой А. И. Цветаевой, во-вторых, на обороте фотографии – её автограф: «Мансарда Б. М. Архангельск». Кто же этот таинственный Б. М.?

Наверное, нет в биографии Анастасии Ивановны Цветаевой такого человека, знакомство и дружба с которым сыграли бы столь значимую роль, какую сыграли знакомство и дружба с Борисом Михайловичем Зубакиным. В его биографии до сих пор остаётся немало «белых пятен», но всё же, благодаря последним исследованиям и публикациям, эта личность становится более понятной...

В 1985 году Анастасия Ивановна, подписывая книгу стихов Б. Зубакина «Медведь на бульваре» своему литературному секретарю Станиславу Айдиняну, написала такие слова: «...В моей жизни самой крупной, величавой фигурой, ни с кем не сравнимой, был автор этих стихов, мой многолетний друг...»

Надо отметить, что роль, которую сыграл в судьбе младшей Цветаевой этот незаурядный человек, была как положительной, так и трагической. Благодаря ему в 1927 году произошло духовное перерождение А. Цветаевой – она пришла к вере, отказалась от «земных соблазнов», стала, по её словам, «монашкой в миру». Но именно из-за Зубакина она трижды арестовывалась и в 1937 году попала в сталинские лагеря на 10 лет... При всех трёх арестах она обвинялась в том, что была членом «мистической религиозной группы», руководимой Зубакиным, и его ближайшим помощником.

Поэт, историк культуры, философ, скульптор Борис Зубакин (1894, Петербург – 1938, Москва) был удивительно работоспособным (не касаемся его лекторской деятельности и таланта импровизатора). Им написаны несколько пьес в стихах («Прометей», «Мерлин», «Пигмалион», «Белая лошадь»), поэмы «Бетховен», «Пушкин», десятки стихотворений, начат роман в стихах о Гражданской войне в России и судьбах искусства в революции «Иллария». Стихи Зубакина переводили на немецкий язык, разбирали в учебниках поэтики. Он переписывался с Горьким, в 1927 году они вместе с А. И. Цветаевой ездили к нему на Капри. На вдохновенные письма Зубакина Горький откликался восторженными словами: «Вы, сударь, изумительно талантливый человек, и по-русски безумно талантливый, думается даже, Вы на границе гениальности».

Много рассказывал о Зубакине сын А. И. Цветаевой Андрей Борисович Трухачёв: «Бориса Михайловича Зубакина я помню с 22-го года, когда мы жили в Москве в Мерзляковском переулке в доме номер 18 на четвертом этаже. Дядя Боря был большим другом мамы, любил ее, и я считал его своим названным отцом... Он часто бывал у нас, внешность его была необыкновенной: огромный лоб с крылообразными надбровными дугами, сильный голос, вообще он весь был необыкновенный. А то, что он умел, повергало в изумление всех, кто был свидетелем чудес, им производимых».

Я знал, что его мать, урожденная Эдвардс, принадлежала к шотландской королевской фамилии, и все отпрыски мужского рода этой фамилии обязательно проходили специальную подготовку и затем посвящение в маги по древнему друидскому обряду, и дядя Боря не был исключением...»

«...Зубакин плюс ко всем своим талантам обладал еще даром мгновенной импровизации стихов и иногда, в трудное время, зарабатывал этим на хлеб... В начале двадцатых он руководил основанной им ложей розенкрейцеров». (Г. Никитина, Г. Васильев. «Проза, насыщенная электричеством памяти...»).

Познакомившись с Б. М. Зубакиным, Анастасия Ивановна специально изучила стенографию и два года записывала его лекции по герметическим знаниям, которые уничтожила после первого ареста своего учителя.

После первого ареста Б. Зубакин отбывал ссылку в Архангельске, но и там активно занимался творческой деятельностью. Он изучал тонкости традиционного косторезного мастерства подвергнутых опале «кулаков», выпустил книгу о редкостном художественном промысле: «Холмогорская резьба по кости» (ОГИЗ, 1931).

Как пишет исследователь творчества Зубакина А. А. Горелов, в ссылке Борис Михайлович «изучает и описывает деревянную архитектуру. Благодаря археологическим поискам на бывшей усадьбе Ломоносовых передает краеведческому музею две подводы предметов поморской старины. Завершает с историком И. М. Сибирцевым не дошедшую до нас монографию “Новое и забытое о Ломоносове”. Записав фамильное предание, публикует уникальные сведения о последнем периоде жизни Пушкина. Печатает статьи о волнующей поэта красоте архангелогородского диалекта. Преодолевая запрет на писание стихов, прибегает к устным импровизациям...»

А. И. Цветаева дважды ездила к Зубакину в Архангельск. Этот снимок, о котором шла речь в начале очерка, был сделан писательницей в 1936 году. Фотографию (оригинал) подарила нашему музею младшая внучка Цветаевой – Ольга Андреевна Трухачёва, и теперь это один из наших ценных экспонатов.

Есть в музее и другие фотодокументы, касающиеся Зубакина. Биограф А. Цветаевой Галина Яковлевна Никитина подарила снимок Е. С. Ильинской, актрисы Малого театра, третьей жены Зубакина. Она тоже была арестована «по делу Зубакина» и провела 8 лет в сталинских лагерях.

Отбыв срок наказания, Зубакин, лишенный права проживать в столице, кочует по маршруту Архангельск – Москва – Смоленск. Он работает в архангельском Союзе художников, возобновив занятия скульптурой (натурный портрет В. Я. Брюсова, 1923), исполняет заказы на изображения классиков литературы и музыки (Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Бетховен) и тружеников-северян.

В сентябре 1937 года Зубакин был вновь арестован, реэтапирован в Москву. Предъявленное ему обвинение в руководстве «мистической фашистской и повстанческой организацией масонского направления» подводит черту под жизненным путем поэта. Он был расстрелян 3 февраля 1938 года. Предположительно местом захоронения Б. М. Зубакина считается территория бывшего полигона НКВД «Бутово», где установлен памятный знак жертвам политических репрессий. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 21 и 26 февраля 1959 года Борис Михайлович Зубакин был реабилитирован.

В чём же обвинялся Борис Зубакин? В создании «фашистской организации», имеющей цель свержение советской власти. Организация была. Не фашистская, а масонская, но понятно, что участие в ней в 30-е годы двадцатого века было, мягко говоря, не очень удачным занятием. Для НКВДэшников это было наход-

кой! Действующая организация! С непонятными задачами, со своими обрядами и посвящениями!

Борис Михайлович пытался объяснить следователю суть розенкрейцеров:

«...Эмблема их – Роза и Крест (Kreuz) – означала следующее: совмещение “Розы” – знаний, культуры, благородно-изящного быта с “Крестом” – религиозного подвижничества, мистических опытов и изысканий.

...Я мечтал и мечтаю близких мне друзей, поэтически-мечтательных, мистических натур собрать в кружок где-нибудь под городом, чтобы они не чувствовали себя потерянными и одинокими, чтобы лучшие дарования не рассеивались, а собирались в одно зажигательное стекло дружбы, братства, совместной жизни, мистерий...»

Известно, чем закончились эти благие намерения. Многие члены организации были расстреляны, кто-то умер в лагерях, кто-то пошёл по этапу, а потом, как А. Цветаева, был арестован третий раз как «повторник».

Эта цитата из допроса А. Зубакина взята из книги «Розенкрейцеры в советской России. Документы 1922–1937 гг.». Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. М.: «Минувшее», 2004. – 464 стр. с илл. (Мистические общества и ордена в советской России. Вып. 2-й).

Огромная благодарность Елене Витальевне Титовой, кандидату филологических наук, доценту кафедры литературы Вологодского государственного педагогического университета, замечательному цветаеведу и другу нашего музея, предоставившей нам возможность ознакомиться с материалами этих дел (теперь распечатку можно почитать в музее).

Тяжело читать эти допросы: Зубакина, Геевского, Монисова, которые не раз называют имя Цветаевой и её роль «в фашистской организации» розенкрейцеров:

«...Постоянную связь с ЗУБАКИНЫМ поддерживает А. И. ЦВЕТАЕВА, его личный секретарь и хранитель рукописей и реликвий “ордена”. Она же осуществляет связь между Москвой и другими городами, где имелись “цепи” “розенкрейцеров”. ЦВЕТАЕВА имела связь со своей сестрой, белоэмигранткой-писательницей Мариной ЦВЕТАЕВОЙ...»

Понятно, что выбивались все эти «разоблачения» под пытками, и не поднимется рука осуждать этих мужчин... Теперь, когда известны материалы этих следственных дел, удивляет не то, что А. Цветаева была осуждена на 10 лет, а то, что её вообще оставили в живых... Она на допросах называла только умерших или тех, кому арест уже не грозил. Она терпеливо разъясняла следователям цели и задачи розенкрейцеров и честно говорила о том, чем занималась их группа.

«Из показаний ЦВЕТАЕВОЙ А. И. 23.03.49 г.

ВОПРОС: За что Вы были арестованы в 1937 г., а затем осуждены?

ОТВЕТ: В 1937 г. я была арестована, а затем и осуждена, как член к-р организации, однако членом к-р организации я никогда не была. Правильнее будет сказать, что я являлась членом мистической религиозной группы, причем я и сейчас придерживаюсь тех же религиозных взглядов...

...Сколько человек входило в мистическую группу – я не знаю, ибо ЗУБАКИН об этом не говорил, а я не спрашивала. Знаю, что отдельные члены группы в количестве 3-4 человек нерегулярно собирались на квартире у ЗУБАКИНА или у меня и слушали разъяснения ЗУБАКИНА по вопросам религии, нравственности,

троичности Божества, свойств Божества, по разным философским вопросам. Все члены нашей группы стояли на идеалистических позициях, были верующими. Кроме всего этого, мы вместе молились...»

В романе А. Цветаевой «Атог» есть эпизод, красноречиво говорящий о том, насколько дорог ей был этот человек. Героиня романа в тюремной камере делала скульптурные головки из прожеванного хлеба. Когда ее отправили на Дальний Восток, в поезде она вспоминает, как в камере осужденных показала встретившейся там подруге, Надежде Мещерской, все четыре головки хлебные: одна голова спящего, напоминавшая умершего друга. Другая – приснившееся лицо... Третье – подруга узнала его: Зубакин, Борис Михайлович... А четвертая – голова ее сына...

Находясь в тюрьме, в 1937 году Анастасия Ивановна посвятила Зубакину «Поэму». Сохранилось также её стихотворение «Памяти посмертно реабилитированного Б. М. Зубакина» (оно вошло в книгу А. Цветаевой «Мой единственный сборник»):

Друг родной! Хореем или яббом
 Рассказать, как я тебя люблю!
 Амфибрахия ли дифирамбом
 Вслед кричать такому кораблю?

 Ничего от жизни не хочу я,
 Как с тобою быть, тобой дыша!..

И ещё одна фотографии, подаренная музею Г. Я. Никитиной: «Двойной портрет (А. Цветаева и Б. Зубакин). 1922». Автор его неизвестен.

«Человек, похожий на Шекспира» – так называла Анастасия Ивановна своего друга.

«АХ, ЭТА МУЗЫКА И ЛЁД!..»

На одном из стендов музея Анастасии Цветаевой представлены беговые (конькобежные) коньки – с длинными лезвиями, потёртыми коричневыми ботинками. Есть в экспозиции фотография начала 20-го века, где маленькие Марина и Ася Цветаева стоят вместе со старшей сводной сестрой Валерией и держат в руках коньки.

Немало эпизодов жизни А. И. Цветаевой были связаны с катком – в Москве, где она познакомилась со своим первым мужем; в Павлодаре, где Анастасия Ивановна, уже в преклонном возрасте, каталась на льду стадиона «Трактор»... Многие павлодарцы запомнили её именно на катке. Кое-кто специально приходил посмотреть, как 70-летняя бабушка «выписывает круги» наравне с внучкой Ритой и ее подружками (семья сына Цветаевой А. Б. Трухачева жила рядом со стадионом «Трактор» в Молгородке). Бывали и курьезы. Татьяна Кокорева (Пахомова), одноклассница Риты, вспоминает: «Анастасия Ивановна катается с нами, на беговых коньках. Она была худенькая, стройная, даже вёрткая... Мальчишки за нашими спинами договариваются: “Давай толкнём вон ту девчонку!” С двух сторон подъезжают, глядь – а это бабушка!».

В музее хранятся фотографии катка «Трактор» конца 60-х годов, которые любезно предоставил павлодарский фотограф Николай Николаевич Мохирев.

О чём думала Анастасия Ивановна, описывая круг за кругом на павлодарском катке, какие зимние прогулки вспоминала? Может быть, зиму 1909 года, лёд Патриарших прудов, конькобежцев, которых описала потом в «Воспоминаниях» с таким знанием дела?

«...Пар струйками проносится от пролетающих конькобежцев, согнутых в три погибели, почти касающихся рукой льда (верней, черной палочкой кожаных коньковых чехлов, зажатой в руке). Их ноги в черном трико летят, как раскинутые крылья ласточек, почти невесомо скользит надо льдом тело...»

Со своим первым мужем, Борисом Трухачёвым, Анастасия Цветаева познакомилась именно на катке. Это был 1911 год. Асе не было и 17-ти... «Музыка гремела, летел снежок, синее небо вечера медленно и плавно кружилось над нами, и казалось, что кружится голова...» Борис сказал при знакомстве, что ему 27 лет, на самом деле он был старше Аси всего на два года. У его родителей было имение в селе Ярцевка Воронежской губернии, куда Анастасия приедет потом с маленьким сыном. Но пока...

«...Что-то ослепительное, несомненное, никогда не виденное, пленительное, нужное было в этом подлетевшем и умчавшемся человеке. Всё остановилось. Важным было только – его возвращение. ...В его брызжущем остроумии было столько захватывающей увлечённости..., грацирующее его «р» так дразнило, его стройное, лёгкое тело (изящное не деланным, а кровным изяществом), худое лицо, тонкий нос с горбинкой и ярко очерченными ноздрями – всё было в совершенстве в первый раз! Упоительно! Ни на кого не похоже!»

Эту встречу Марина Цветаева описала потом в стихотворении «Конькобежцы», посвященном Асе и Борису:

Башлык откинула на плечи:
 Смешно кататься в башлыке!
 Смеётся, – разве на катке
 Бывают роковые встречи?
 Смеясь над «встречей роковой»,
 Светло сверкают два алмаза,
 Два широко раскрытых глаза
 Из-под опушки меховой.
 Всё удастся, все фигуры!
 Ах, эта музыка и лёд!
 И как легко её ведёт
 Её товарищ белокурый...

А потом было расставание, и аресты, и сталинские лагеря, и «вечная ссылка в Сибирь»... Внук А. И. Цветаевой Геннадий Васильевич Зеленин, который живёт в Павлодаре, рассказывал, как бабушка Ася в ссылке (с. Пихтовка Новосибирской области) учила кататься на коньках старшую внучку Риту. «Это было уже после смерти Сталина, – вспоминает Геннадий Васильевич, – зима 1954 или 1955 года, потому что уже пришла бумага, что ссыльные могут выехать из Пихтовки, но пока ещё все оставались там. Анастасия Ивановна решила научить Риту кататься и у кого-то из знакомых попросила коньки “снегурки”. Мама работала в Пихтовке в пимокатной мастерской и сама скатала маленькие валенки для Риты. Моей задачей было сделать фанерную “платформочку”, которая укладывалась на конёк, а на неё

уже ставился валенок. Остальное бабушка делала сама – привязывала коньки к валенкам верёвками, закручивала их потом на палочку, чтобы крепче держались. Наставления Рите давались то по-русски, то по-английски. Рита училась “ходить” на коньках возле дома. Но после падений были ушибы и слёзы. Мама сказала, что коньки не по размеру, тяжёлые, крепление ненадёжное, нога в валенке неустойчива, поэтому могут быть травмы. Пришлось отказаться от этой затеи... А когда на реке Бакса, под мостом, деревенские ребяташки расчистили лёд и сделали каток, я порадовался, как много людей собрала туда Анастасия Ивановна, учила всех кататься...»

Пихтовка – Павлодар – Москва... И вернувшись в столицу, Анастасия Ивановна продолжала кататься на коньках, а ведь ей было уже далеко за 70! Недавно из Челябинска прислала в музей сборник своих стихотворений поэтесса и музыкант Наталья Рубинская. А Цветаева была её крёстной, они часто встречались, и в стихотворении с названием «Такая была моя крёстная. И она любила анжабеманы!» автор описывает одну из встреч в Москве, на катке:

На Патриарших. Ближе к сумеркам.
XX век. В семидесятых.
В начале. На коньках-снегурках.
Во френче драповом до пяток.
Катались двое...

Как-то на встрече в музее, посвящённой этому увлечению Цветаевой, известная павлодарская поэтесса Елена Игнатовская предложила: «А давайте проводить Цветаевский каток! Цветаевские костры зажигаются во многих странах мира, а каток будет эксклюзивный, павлодарский!» И вот 4 января 2015 года, в день двухлетия открытия музея, цветаевцы отправились на каток в Горсад (кстати, неподалёку от него жила семья Цветаевых-Трухачёвых) и устроили «забег» в честь именин Анастасии Ивановны. Самые смелые надели коньки, кто-то был в качестве зрителей и фотографов, но главное – выход на лёд состоялся! Надо сказать, эта традиция прижилась, Цветаевский каток проходит в Павлодаре каждый год, и с каждым годом всё больше молодёжи присоединяется к этой культурной акции. И, конечно, звучат на встречах и «Воспоминания» Анастасии Ивановны, и стихи Марины Ивановны Цветаевой:

...Уж двадцать пять кругов подряд
Они летят по синей глади.
Ах, из-под шапки эти пряди!
Ах, исподлобья этот взгляд!..

«ВСЕХ ЦВЕТОВ ПАЛИТРЫ...»

«Цветаевы и живопись» – так называлась одна из встреч в музее. По традиции к мероприятию была подготовлена выставка, на которой мы представили некоторые интересные экспонаты по этой теме.

...Надо ли говорить о том, что воспитанию художественного вкуса Марины и Анастасии Цветаевых служила сама семейная атмосфера, разговоры между родителями, пример отца Ивана Владимировича Цветаева – создателя музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина)...

И мать, Мария Александровна Мейн, была не только замечательной пианисткой, но и художницей. В юности она брала уроки живописи у художника, академика Михаила Петровича Клодта, сына знаменитого Петра Клодта. Михаил Клодт – замечательный художник, его картина «Последняя весна» – в коллекции Государственной Третьяковской галереи, а «Чёрная скамья» – в Русском музее. Глядя на его картину «Последняя весна» (молодая умирающая женщина у раскрытого окна в цветущий сад), невольно вспоминаешь судьбу самой Марии Александровны, умершей от туберкулёза в возрасте 38 лет...

Анастасия Ивановна Цветаева вспоминала: «Высокие стены нашей гостиной в Трёхпрудном были увешаны картинами, выполненными нашей матерью. Она разделила нам свои способности: Марине, сестре моей – большое дарование к музыке, мне – СТРАСТЬ к живописи. Увы, она споткнулась о мою биографию, я не сумела её воплотить».

В год 120-летия писательницы вышел в свет альбом рисунков Анастасии Цветаевой «Всех цветов палитры...», подготовленный московским Домом-музеем М. Цветаевой и Елабужским Государственным музеем-заповедником. Альбом с портретами, пейзажами и натюрмортами, выполненными Анастасией Цветаевой в разные годы её жизни. «Страсть» к рисованию всё же прорывалась и находила своё воплощение и в нечеловеческих условиях лагерного барака в 30-е годы, и в сибирской ссылке в 50-е, и позднее – в Коктебеле...

Хранится в наших фондах и уникальный альбом, «предшественник» вышедшего в 2014 году. Его подготовили друзья и биографы А. И. Цветаевой «Глебы» (Г. К. Васильев и Г. Я. Никитина), репродукции в нём чёрно-белые, сделан он вручную, но дорог как начало работы над изданием.

А. И. Цветаева не только рисовала, но и писала о творчестве художников Олава Морана, Ирины Бржеской. Это настоящие стихотворения в прозе.

Вся семья Цветаевых-Эфрон-Трухачёвых была художественно одарена.

Художественному творчеству Ариадны Сергеевны Эфрон, дочери Марины Цветаевой, в музее посвящалась отдельная встреча. Все желающие могли ознакомиться с альбомом «Ариадна Эфрон. Рисунок. Акварель. Гравюра». Сын М. Цветаевой Георгий (Мур) тоже был многогранно талантлив. «Как и Аля, он отлично рисует», – отмечали современники. Весной 1942-го Георгий писал тёткам: «...Летом, возможно, поступлю на работу в скульптурную мастерскую Союза художников или куда-нибудь в этом роде». То есть он всерьёз подумывал связать свою жизнь с этим творческим родом деятельности. Мария Белкина пишет в книге «Скращение судеб» о том, как зимой 1943 года в Ташкенте Мур «рисовал плакаты и карикатуры на огромном белёном заборе за университетом на улице К. Маркса. Это были своего рода Окна ТАСС...».

Увы, судьбы детей Марины Ивановны сложились так, что их талант не смог реализоваться. Ариадна провела в лагерях, тюрьмах, ссылках 17 лет. Мур погиб на фронте в 19 лет, в 1944-м.

Художественно одарён был и сын А. И. Цветаевой Андрей Борисович Трухачёв. Андрей Борисович учился в Архитектурном институте.

Вот как пишет о выборе сына А. И. Цветаева:

«Когда моему сыну Андрею было 20 лет, обнаружилось, что он художник. ...Знакомые художники сказали: “Зачем ему идти в Архитектурный институт, когда он – прирождённый художник?!”»

И был спор, учиться ли ему живописи или не учиться, не испортит ли ему учение – его прирождённых способностей? Но Андрей сказал:

– В нашей стране художники – нищие. Я не хочу быть нищим. – И поступил в Архитектурный институт.

Так же одарён, как и в живописи, он был в литературе, он имел дар поэта – легко писал стихи к случаю: на профессиональном уровне, с высоким чувством вкуса».

В справедливости этих слов убеждают и рисунки, и книжка А. Трухачёва «Сказка о больной слонихе, о лисе-франтихе и о деве-крокодилке с талией, как рюмка», и его экспромты, посвящённые павлодарским женщинам-сослуживицам. В книге «Памятник сыну» опубликовано несколько стихотворений А. Трухачёва. Ольга Андреевна Трухачёва передала в музей рисунок отца «Танцующий слонёнок» (оригинал), который висел в комнате «бабушки Аси». Есть фотография картины, на которой Андрей Борисович скопировал «Витязя на распутье» Васнецова, с надписью на обороте самой А. Цветаевой; фотография вышивки, которую подросток Андрюша Трухачёв подарил на 60-летие Максиму Горькому. Эту работу нашёл в музее М. Горького в Москве и сфотографировал В. В. Соловьёв.

А у правнучки А. Цветаевой Ольги Мещерской (дочери Маргариты Мещерской) персональная выставка была в музее изобразительных искусств им. Пушкина еще в детстве! Сейчас Ольга живёт в Америке, она художник.

ТЕТРАДКА НА ФРАНЦУЗСКОМ

Педагогические способности Анастасии Ивановны Цветаевой в полной мере проявлялись в её общении с внучками Ритой и Олей, и прежде всего – в обучении иностранным языкам. Тут она не жалела ни времени, ни сил, чтобы девочки освоили французский и английский. В музее хранится целая тетрадь, где Анастасия Ивановна записала для Риты все тонкости французской грамматики. А ещё мы храним замечательные воспоминания младшей внучки Ольги Трухачёвой о бабушке как о преподавателе английского языка:

«Пока я была маленькая (до 4 лет), я просто стала понемногу понимать, о чём говорят бабушка и Рита, хотя говорили они не так, как папа и мама. На фотографии, где мне 1 год и 4 месяца, я с мячом, лежащим на протянутой бабушкиной руке, и на обороте написано её рукой – Where is a ball? – первый урок английского языка. Я не помню вопроса, но я помню мяч, помню, как беру его из рук бабушки. Мяч был не новый, шероховатый, красный с синим и с жёлтой полоской. А потом Рита и бабушка заговорили на непонятном мне языке, бабушка начала учить Риту французскому. Была бабушкина попытка начать учить меня тоже. Обычно я несла бабушке половинку целлулоидного медведя на ее просьбу – where is your bear? А в тот раз бабушка сказала, что “медведь” будет “урс”, я начала топтать ногами и кричать, что медведь – это “bear”. Бабушкина попытка провалилась (она сама сказала, что поняла, что меня не переубедить). Как я теперь об этом жалею...

Потом Баб уехала жить в Москву, приезжала к нам весной, забирала Риту, и они возвращались к концу лета. Для меня она всё равно жила с нами. Но английский уже не звучал круглый год, и я его просто забывала. Но когда бабушка появлялась весной, я вспоминала его.

До сих пор не понимаю, как бабушка меня научила языку. Она часто рассказывала, как сама учила свой “любимый английский язык”. Немецкий и французский

Баб знала с детства, а вот английский учила уже взрослой, а потом преподавала его. Всегда говорила, что учила его девять лет – это время учебы и преподавания.

Первый и самый главный бабушкин принцип изучения чего-либо – это “Повторенье – мать ученья”. Слышала я это на протяжении её и своей жизни. А вот настоящий первый урок в семь лет помню. Я в первый раз поехала с бабушкой и Ритой на всё лето в Палангу. Перед отъездом из Павлодара она показала мне книгу в рыжей бумажной обложке, на обложке сидели котятка, и Баб спросила меня: “Кто это?”, и я ответила по-английски. Это был учебник для начинающих. По-русски Баб научила меня читать ещё в пять лет, поэтому я сравнила английский алфавит и русский, быстро запомнила английский (учила его в поезде), а по приезде в Палангу началось чтение. Помню, Рита вышла из комнаты, а Баб объяснила мне, как читаются буквы в закрытых и открытых слогах, возвращается Рита, а я сижу и громко читаю – “a cat, a dog, a doll, a wall”. Ритиному удивлению не было конца. “Баб, она уже читает?” – воскликнула она. Идём по Паланге (или ещё где-нибудь в другом месте), с Ритой Баб говорит по-французски, со мной по-английски, Рита со мной тоже по-английски. Я не знаю слово или забыла, десять раз повторяю и загибаю пальцы. Баб через час или два спрашивает, как будет это слово. Я, естественно, не помню. Теперь уже иду с закрытыми глазами и не загибая пальцы, а стараясь запомнить, повторяю двадцать раз. Вот так я учила английский язык.

Бабушка вообще не разговаривала с нами по-русски. “Дома будете разговаривать с родителями, а я вас не слышу, если говорите по-русски...” Вот и приходилось запоминать, голова работала всё время. Даже ночью, поднимая на горшок, бабушка спрашивала, как будет то или иное слово. Гладила по голове и хвалила: “Молодец, золотоволосый кот”. Она так меня звала.

Когда я перешла в пятый класс, бабушка взяла с собой в Эстонию учебник английского языка за 5 класс. За лето я прошла весь учебник, сделала все письменные задания, а в конце лета ещё раз бегло просто прочла весь учебник (для памяти – сказала бабушка). Домашние задания по английскому я просто переписывала из этой тетради в школьную. Так продолжалось до окончания школы. Мои тетради путешествовали по классу. В 15 лет я не поехала с бабушкой, осталась на каникулы в Павлодаре. Баб попросила меня прочесть учебник и сделать задания самой. Рита, приехавшая в Павлодар с мужем, проверила меня (по просьбе бабушки) и осталась довольна. Я до сих пор горжусь, что сдержала обещание. Тем летом я жутко хамила бабушке (по-русски), а она мне: “Я тебя не понимаю и не слышу. Вот если будешь хамить по-английски, может быть, услышу”. Я выучила несколько пакостных слов и хамила уже по-английски... Сейчас больно сжимается сердце от этого. А каково было ей?

Бежали мы как-то раз в музыкальную школу (мой педагог Гуляра Шамилевна приветствовала бабушкино присутствие на уроках) мимо Ленпарка, говорили, как всегда, на английском, а за нами мужчина в телогрейке. Бабушка палку в руку и ускоряет шаг, по проходу между Ленпарком и Горбольницей – мы уже летим, мужчина вслед, просит остановиться. С какой теплотой и благодарностью он разговаривал потом с нами. Был очень удивлён услышать английскую речь в городе. Он был из ссыльных. И такие истории с нами случались.

Бабушка считала, что иностранный язык и музыка помогут мне в жизни. Помогли и очень помогают до сих пор! Несколько дней назад я сказала младшему сыну Григорию (мы сейчас с ним в Америке), с какой благодарностью я вспоминаю

бабушкины уроки английского (уроки жизни). Мне теперь всё время приходится говорить на английском. Вот и жизненный урок. А младшую внучку (ей один годик) учу русскому. Она всё понимает, делает всё, что я ей говорю. Вот так я учила английский язык!

Ещё Баб учила эстонский, испанский, даже японский...»

Вехи изучения А. Цветаевой английского языка и её педагогической деятельности можно проследить по книге Ст. Айдиняна «Хронологический обзор жизни и творчества А. И. Цветаевой» (есть в музее с автографом автора):

«1928 год – занимается на курсах повышения квалификации Комбината иностранных языков на Сретенском бульваре. Начинает изучать английский язык.

1931 год – окончание курсов английского языка, находившихся в Леонтьевском переулке.

С конца 1931 по 1933 год А. И. Цветаева делает переводы специальной литературы с английского для Тимирязевской академии.

1932 год – начало января. Увольняется из библиотеки Музея изящных искусств. Переходит на преподавательскую работу, преподаёт в различных учреждениях английский язык.

1936 год – преподавание английского языка в нескольких учреждениях методом Натана Кобленца.

1936 год – осень. Преподаёт актёрам английский язык в первом МХАТе.

1937 год – с марта начинает заниматься английским с Ариадной Эфрон, вернувшейся в Москву из Франции. {Марина Цветаева писала об этом так: "...у моей сестры (лучшего знатока английского на всю Москву) учится по-английски..."} Письмо к А. А. Тесковой в Прагу. Ванв, 2 мая 1937}

Заканчивает Институт повышения квалификации преподавателей при МИНЯ (Московский институт новых языков)».

В своём очерке «Воспоминания о писателе Пантелеймоне Романове» А. И. Цветаева пишет: «По очень большой занятости моей – я преподавала английский в нескольких учреждениях, применяя старый, переводческий, метод преподавания и новый, выдающийся, я называла его Колумбовым яйцом – метод Натана Кобленца...» (Колумбово яйцо – крылатое выражение, обозначающее неожиданно простой выход из затруднительного положения. По преданию, когда Колумб во время обеда у кардинала Мендосы рассказывал о том, как он открывал Америку, один из присутствующих сказал: "Что может быть проще, чем открыть новую землю?" В ответ на это Колумб предложил ему простую задачу: как поставить яйцо на стол вертикально? Когда ни один из присутствующих не смог этого сделать, Колумб, взяв яйцо, разбил его с одного конца и поставил на стол, показав, что это действительно было просто. Увидев это, все запротестовали, сказав, что так смогли бы и они. На что Колумб ответил: "Разница в том, господа, что вы могли бы это сделать, а я сделал это на самом деле".)

В Российской государственной библиотеке я нашла брошюру: Кобленц, Натан Самойлович. О преподавании иностранного языка по синтетическому методу [Текст]: Метод. записка: Инструкция по практической разработке стандартов / Н. Кобленц, И. Строганский. – [Москва]: тип. МАИ, [1935].

Возможно, именно по этому пособию и вела Анастасия Ивановна свои уроки...

Надо сказать, что Кобленц, в свою очередь, использовал идеи английского педагога и методиста Гарольда Пальмера (1877–1950) – автора свыше пятидесяти

теоретических трудов, учебников и учебных пособий. Специалисты отмечают, что «идеи Г. Пальмера оказали значительное влияние на последующих методистов, в том числе и отечественных. Так, идея о типовых предложениях как одна из основ развития речи была использована Н. С. Кобленцом в его так называемом “синтетическом методе”».

Для Пальмера основными приемами для овладения иностранным языком являлись имитация и заучивание наизусть, что, как мы убедились из рассказов О. А. Трухачёвой, широко применялось А. И. Цветаевой в обучении внучек.. Г. Пальмер считал, что обучение иностранному языку всегда следует начинать с устной речи, и на первой ступени, которая длится около полугода, необходимо обучать учеников пониманию иностранного языка на слух, а также распознаванию и произношению отдельных звуков и звукосочетаний.

Отдельная интересная история – о том, как Анастасия Ивановна, будучи в лагере на Дальнем Востоке, обучала английскому языку девочку Лизу Симуни, дочь начальника строительства. Но об этом уже рассказывалось в «Просторе» (№ 1, 2018).

«ВЕРЬТЕ ЧУДЕСНОЙ ЗВЕЗДЕ ВДОХНОВЕНИЯ...»

Один из самых ценных экспонатов музея Анастасии Цветаевой – рукопись очерка писательницы «Моя Голландия», написанного в 1992 году, когда Анастасии Ивановне было 98 лет!

А. И. Цветаева прожила долгую жизнь, не дожив трёх недель до своего 99-летия. И до самых преклонных лет сохранила ясность ума и работоспособность. В апреле 1992 года А. И. Цветаева была приглашена на Пятую международную книжную ярмарку женщин-писательниц в Амстердам. Кстати, в музее хранится оригинал приглашения А. Цветаевой на этот форум. Анастасия Ивановна вначале сомневалась, ехать или нет, но потом решила и предложила сопровождать её знакомому врачу Юрию Гурфинкелю (он оставил позднее воспоминания об этой поездке). Как вспоминает Юрий Ильич, каждый день в Нидерландах Анастасия Ивановна вела подробные записи.

Хранятся в павлодарском музее и подготовительные материалы к голландскому форуму: Анастасия Ивановна крупным почерком записала на шести листах стихотворения Марины Цветаевой, которые намеревалась прочесть в Амстердаме.

Очень насыщенной была эта поездка (особенно если учитывать возраст А. Цветаевой!). На следующий день после приезда она посетила русскую православную зарубежную церковь и Международную книжную ярмарку, а 28 июня состоялось её выступление. «Удивило и тронуло то, что так много людей собралось в этом большом зале», – пишет Анастасия Ивановна в очерке. Она отвечает по-английски на вопросы о своей судьбе и судьбе сестры Марины, читает свою поэму «Twins» на английском языке. А на русском – стихи Марины Цветаевой с синхронным переводом на голландский. Больше часа длилось её выступление. Как пишет Ю. Гурфинкель, «люди стояли в проходах, не расходились, хлопали в ладоши. Потом возникло стихийное движение к сцене. Словно хотели убедиться, что этот комок жизни и стойкости не плод их воображения, а вполне реальный человек. Возможно, это был час триумфа и признания. Того, к чему она всегда относилась с иронической улыбкой...».

«Анастасия, Вы были великолепно!» – написала ей на книге голландка Гонни Люберс.

1 июля Анастасия Ивановна посетила Государственный музей Голландии (осматривает «Ночной дозор» Рембрандта), побывала в музее Ван Гога. Очень образно опишет она потом в очерке свои посещения музеев, впечатления от картин: «Импрессионизм – моё любимое в живописи, и, может быть, потому, что импрессионисты пишут так, как близорукие – видят: без линий, без подробностей – цвет, тени, массу очертаний...»

Интервью, приёмы, общение, осмотр достопримечательностей, поездки в города Энхаузен, Заандам, Утрехт... Две недели пролетели быстро.

Очерк «Моя Голландия» Анастасии Цветаевой вышел в свет уже после её смерти – вначале в журнале «Юность» (№ 9, 1993), а затем в книге «Невозвратные дали» (Москва, издательство АСТ, 2018) с предисловием литературного секретаря писательницы Станислава Айдиняна. И журнал, и книга тоже есть в фонде музея. Хранятся здесь и открытки, привезённые А. Цветаевой из Амстердама и подаренные с автографами своим друзьям и биографам Г. К. Васильеву и Г. Я. Никитиной (а они потом передали их в Павлодар).

И ещё об одном эпизоде этой поездки хочется рассказать. Когда А. Цветаева и Ю. Гурфинкель летели в Амстердам, на высоте десяти тысяч метров Анастасия Ивановна вдруг с подъёмом начала читать любимые её матерью и сестрой Мариной стихи Алексея Константиновича Толстого «Против течения»:

Други, вы слышите ль крик оглушительный:
«Сдайтесь, певцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остаётся, мечтатели?
Сдайтесь натиску нового времени,
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения?»

Други, не верьте! Всё та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звёзды небесные!
Правда всё та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!

«Деловые господа с удивлением повёртывали головы в нашу сторону», – пишет Ю. Гурфинкель. Закончив читать, Анастасия Ивановна, гася пафос, шутливо добавила: «Нечто вроде глотка поэтического вина в облаках...»

